

І СЛОЙ

ПОВЕСТЬ

ЗАРАЖЕНО
БОЛЕЕ 7MP

S12

STREFA
1

НИКОЛАЙ ЯКУНЕНКОВ

16+

Николай Якуненков

I слой

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Якуненко Н. А.

I слой / Н. А. Якуненко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Конец 21 века. Экологическая катастрофа окутала Землю. Остатки цивилизованного мира теперь заключены в крупных городах-государствах, оазисах жизни, вокруг которых простирается безжизненное пространство. Эдуард Болотов, начальник станции по сбросу за городскую стену мусора, живет с верой в правительство города, сумевшее позаботиться об уцелевших после катастрофы гражданах. Но происходит событие, которое в корне может поколебать все его идеалы. Небольшой рисунок карандашом отправляет мужчину на поиски его разгадки. В путешествие, полное опасностей, где за малую крупицу истины расплачиваются ценой собственной жизни...

© Якуненко Н. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

I Слой

– Как же хорошо они изучили расписание сброса, право диву даешься! По ним даже часы можно сверять – не прозеваешь график, – громким, но бесцветным голосом, проговорил старший смены Эдуард Болотов, глядя с высоты смотровой вышки, возведенной на внешней части городской стены, на собравшуюся внизу кучку «дикарей», жадно глазевших на то место в бетонной стене, откуда должен был появиться ковш с мусором. – Интересно, какие мысли их сейчас посещают?

– Не знаю, босс, но то, как вы обмолвились о графике, можно логически объяснить: их вся жалкая жизнь теперь полностью зависит от этого самого сброса мусора, – угрюмо произнес Николай Шипник, заместитель Эдуарда, одетый в, не по размеру выданный на прошлой неделе, синий комбинезон униформы. – Это в городе настоящая и полноценная жизнь, а за пределами его – сплошное выживание, игра со смертью, если позволите так сказать. Ни растительности, ни нормальной питьевой воды, вечная вонь и надежда когда-нибудь умереть без серьезных болезней, мирно, по-тихому. Наша работа дает им большой шанс продлить свое существование еще на несколько дней, недель, а может и лет. Они просто на нас молятся, вернее, на ковш мусоросброса; его периодическое появление из городской стены подкрепляет мысль о том, что еще не все потеряно, что есть еще продолжение.

Болотов повернул голову в сторону помощника и пристально, с долей удивления посмотрел на него:

– Да ты у нас просто философ? Откуда знаешь, что творится в голове у этих отбросов? Мне, право, даже интересно стало.

– Бывают вечера, когда, перед тем, как отдать свое тело и разум ночному сну, думаешь, закрыв глаза, о той жизни, какая творится вне нашего города. Только из-за любопытства, ведь интересно же... Ставишь себя на место одного из «дикарей», и тут же на голову такой ужас нападает, сразу видно, что для них сейчас представляет главную ценность в убогой жизни, – мужчина сделал короткую паузу и добавил. – В мерзкой жизни с единственным путем.

– Николай, если ты имеешь такую чувствительность по отношению к этим отбросам, то ответ на единственный вопрос: как ты очутился на этой станции да еще стал моим помощником? Одно другому не противоречит, как ты думаешь?

Мужчина оттолкнулся руками от перил смотровой площадки и выпрямился, явив взору Эдуарда свой недюжинный рост при очень узких и худых плечах:

– Забудьте, босс. Вы немного неправильно меня сейчас поняли. Я каждый день их с этого места наблюдаю, таких грязных, свирепых, лишаиных, а затем, когда они из новой партии мусора выбирают самое съестное и свежее, после исчезают из поля зрения до следующего дня, а что с ними там, за горизонтом, происходит, чем живы, как уживаются друг с другом, рождаются ли у них дети?... Целая терра инкогнито простирается за пределами городской стены.

Болотов усмехнулся:

– Знаешь, Николай, а меня это никогда ничуть не трогало. Что с ними, как – да плевать! Мы все знаем, что люди с антисоциальными наклонностями по закону правительства подлежат принудительной высылки с территории города, если их, конечно, не уничтожит полиция согласно приказу сверху. Мы – участники реализации этого закона. Люди, которых наша станция отправляет туда, есть угроза нашему, с таким колоссальным трудом сложившемуся после катастрофы, обществу: психи, неизлечимо больные, бунтари... – тут начальник смены замолк, словно вспомнив что-то, выражение лица стало рассеянным и слегка напуганным, казалось, он сейчас находился где-то в другом месте.

– Босс? – Шипник удивленно посмотрел Болотова. – Что с вами? Нехорошо стало?

Эдуард пустым взглядом скользнул по лицу заместителя и отвернулся, выражение стало приобретать прежний сурово-безразличный вид:

– Поэтому, мой друг, у меня и нет необходимости в подобных рода размышлениях. Что делает хирург, когда у пациента появляется ненужное и мешающее жить новообразование в организме? Правильно, отрезает и выбрасывает в контейнер для отходов. Так же поступает и наша станция, только немного профиль другой, а смысл тот же. Вот так...

Он быстро взглянул на электронные часы, вмонтированные в кожу левого запястья:

– Кстати, уже без двух минут одиннадцать, наступает время сброса. Николай, давай, направляйся к себе в кабину, проверь все ли в порядке с приборами. А то после случая с месяц назад что-то не хочется заново под пресс высокого начальства попадать. А если желаешь узнать, как там вне города – посмотри фото, сделанные наши экологами с вертолета, занятное зрелище. Там и безжизненная пустыня, и реки, и озера цвета радуги, и наша свалка у стены. Благо, ежегодно стена города строителями надстраивается, да и вентиляционные установки с внутренней стороны не дают намдохнуть полной грудью всей этой прелести. Все, пора за работу!.. Николай, прошу тебя проследовать в операционную кабину, сейчас начнем.

Шипник безмолвно направился вниз к своему рабочему месту, в небольшое ярко освещенное помещение, напичканному всевозможной электроникой, которую сверху венчал широкий дисплей, передающий видеоизображение с места сброса мусора. Болотов нажал на красную кнопку, вмонтированную в перила смотровой площадки, после чего на уровне его глаз опустился цифровой бинокль. Эдуард прильнул глазами к окулярам и принялся внимательно осматривать сам полигон и его окраины. Наблюдение за местом сброса мусора входило в непосредственную обязанность начальника смены. Результаты затем оформлялись в виде отчета для Центра прогноза и предотвращения эпидемий, где принимались важные решения относительно того, модернизировать ли городской периметр или же еще в ближайшее время он с состоянием надежно служить. Все было неизменно, как месяц или же и год назад: «дикари» исправно делали свое дело, весь хлам, а за ним и смрад исправно переносился подальше от города, что не давало серьезного повода для беспокойства.

Эдуард оторвался от бинокля:

– Николай!.. Как ковш выйдет из стены, сразу же направь его правее градусов, примерно, на десять. Там, я вижу, яма небольшая образовалась, засыплем ее.

– Понял, босс. Это там где голая елка торчит с переломанной макушкой?

– Да, ты верно заметил. Спорим, что не пройдет и десяти секунд, как первый из «дикарей» будет уже копошиться в свежей куче? Ставлю сотню. Отвечаешь?..

– В легкую! И добавляю двадцатку, что все это произойдет за девять секунд!

– Идет, напарник.

– Сейчас камеру на запись поставлю, чтобы при перематке по таймеру свериться во избежание всяких споров.

– Валяй, дотошник!..

Из кабины оператора показалась кудрявая с редкой сединой голова Шипника:

– Жмурики давно уже на станции? Какое там время доставки в журнале указано?

Не оборачиваясь, Болотов бесшумно усмехнулся и почесал пальцем нос:

– Считаешь, что это может сыграть свою роль?

– А то, босс!..

– А я вот с этим не согласен, – едва слышно проурчал старший смены, поправил застиранную до блеклости синюю кепку на голове и уже более громким голосом произнес. – Чуть менее двух часов невостребованными покоятся в нашем ковше! Может, не будем больше нарушать естественный ход вещей и займемся своими непосредственными обязанностями, Николай? Привести ковш в движение!

Шипник юркнул обратно в кабину, бодро примостился на кожаное потертое сиденье и нажал кнопку «Пуск». Механизм сброса загудел и лихорадочно задрожал. Николай вперил сосредоточенный взгляд в экран монитора, который передавал черно-белое изображение с

камеры, вмонтированной в верхней части ковша. В следующий момент он играючи стукнул ладонью по широкой кнопке с надписью «Открыть/Заккрыть», и двери, словно гигантские, громоздкие ставни, стали медленно разъезжаться на роликах в стороны. Оглушительные грохот и скрежет металла разорвали вибрирующий воздух помещения станции и умолкли только тогда, когда мощный стук, похожий на сильный взрыв чего-то большого, дал понять, что отверстие для ежедневного сброса мусора открыто.

Тотчас громадный, окаймляющий крепкими бортами весь периметр мусорной ямы, могучий ковш с нервным скрежетом пришел в движение, ведомый Николаем Шипником. Слышно было, как затрещали, залязгали невидимые металлические и деревянные предметы, захрустело искрами звуков стекло. Как только боковые ножи покинули территорию станции, мужчина в кабине перешел на ручное управление.

– Давай вправо! – крикнул со смотровой площадки Эдуард, сросшись с биноклем, словно единое целое. – Видишь, там выемка находится? Высыпай туда!..

– Слушаюсь, босс!..

Николай плавно отклонил рычаг управления, а с ним и ковш, в указанную сторону, внимательно всматриваясь в изображение монитора. Гидроцилиндр выехал на положенное расстояние, и ковш застыл в воздухе, повиснув в десятке метров от городской стены над мусорным полигоном.

– Эдуард, запись включена! – донесся из кабины оператора хрипчатый голос Шипника.

– Услышал! Высыпай! – Болотов устремил окуляры бинокля на оживившуюся при виде новой партии мусора толпу «дикарей».

Ковш резко опустился передом, и целая груда помоев, тряпья, ломаной бытовой техники и других предметов повалилась вниз, издав стонущий вздох и оглашая плотный смрадный воздух брезгливым ревом. О боковые зубья забили деревянные детали мебели и железные прутья, зацарапалось с визгом стекло, придав общему звукосмешению более психоделический тон.

– Полетели, родные! – воскликнул Болотов, в азарте судорожно сжав руками пыльный бинокль. – Глянь, как стартовали, Николай! Думаю, сегодня рекорд может быть побит вопреки нашему спору.

– Что, босс? – послышался голос Шипника из помещения кабины. – Плохо слышно!.. Кто бит будет?..

Грохот на мусорном полигоне прекратился, и Эдуард, дождавшись этого затишья, повторил свою фразу:

– Говорю, что никто из нас не выиграет пари! Вон, первый уже возле края «свежака» находится. Обыграли «дикари» нас, коллега!..

– Это мы еще по записи проверим. Электроника надежнее человеческих ощущений.

– Уговорил!.. Смотри, Николай, бугай появился!

– Сейчас, только ковш подниму, чтобы камеру поправить. Вот, все... Вижу, вижу, шагает главарь гнилой стаи!

На горизонте появился здоровяк с взлохмаченными и напрочь лишенные прикосновения воды длинными волосами, с примерно такой же несвежей кожей лица. Что поразительно, но одежда на нем была довольно-таки сносной, по сравнению с остальными его «собратьями», мятая, запачканная чем-либо, но не рваная и полностью прикрывавшая могучее мускулистое тело. Сопоставляя все это вместе, в совокупности, обоим наблюдателям с мусоросбросной станции трудно было определить его реальный возраст.

Гигант приближался к городской стене большими и тяжелыми прыжками, схожие с передвижения, характерными для приматов. В какой-то момент главарь остановился и, подняв вверх голову, протяжно издал рык. Поглощенные своими изысканиями в мусоре «дикари»

резко застыли в тех позах, в которых их застал воинственный звук команды. Они поспешно приподнялись с корточек и, пятась назад, отступили на подобающее такому случаю расстояние.

Здоровяк быстро приблизился к месту, где был сброшен новый мусор, принялся тщательно принохиваться и разгребать сильными руками хлам вокруг себя, медленно, но целенаправленно перемещаясь к центру кучи. Вдруг замер, словно почуял что-то, и тут же стал энергично копать своими широкими ладонями перед собой, отбрасывая в стороны не представляющее для него какой-либо ценности нагромождение из рваных тряпок, жестяных банок, деревяшек и других предметов. Затем засунул правую руку в созданное им углубление, захватил то, ради чего и были направлены все его действия, резким сильным рывком потянул что-то на себя. Это оказался труп молодого мужчины. Забросив «добычу» себе на плечо, здоровяк, наконец-то, выпрямился и, широко шагая, стал удаляться в том же направлении, откуда и появился, сердито буркнув на пристально смотрящих с завистью на него и его ношу остальных «дикарей». Спустя минуту он скрылся за безжизненными, цвета жженого кирпича, холмами.

«Дикари» возле городской стены вдруг резко встрепенулись, словно избавившись от навязанного одним появлением вожака гипноза, и впопыхах устремились к «насиженным» местам, облюбованным до появления главаря. Они с прежней интенсивностью принялись копошиться в отходах, в надежде найти также что-нибудь калорийное и, желательно, «свежее». Один из них принялся энергично разгребать мусор перед собой, его чуткий нюх говорил о большом везении. Тело «дикаря» наклонилось вперед и тут же резко рванулось вверх и назад. Под палящим солнцем показалась тонкая, похожая на женскую, синеватая рука с грязными длинными ногтями. Не беспокоясь о том, чтобы достать тело покойницы полностью на поверхность, «дикарь» с безумным порывом набросился на начавшую было уже разлагаться плоть, и стал жадно рвать зубами кожу. Наблюдавшие его триумф остальные собраты со злостью в глазах посмотрели на везунчика и с большим усердием, чем прежде, продолжили свои изыскания в поисках еды.

Вдруг, глаза более десятка «дикарей», обратились в сторону центра сваленной недавно кучи, они явно что-то почуяли. Болотов быстро направил на то место свой рабочий бинокль, гложимый любопытством. Он увидел, как старый и весь в трещинах деревянный ящик, бывший когда-то неотъемлемой частью объемного шкафа, зашевелился. Кто-то его снизу толкал. Удар, еще удар... и ящик, перевернувшись, упал в сторону. На поверхности мусорного хлама показались кудрявая рыжая голова и половина торса молодого мужчины. Видно было, как он прикладывал невероятные и отчаянные усилия для того, чтобы выбраться из своего вынужденного заточения.

Трое «дикарей», промышлявших разрозненной группой, словно по команде, поднялись на ноги и, издавая угрожающе урчащие, гортанные звуки, направились к рыжеволосому, который уже практически смог избавиться от цепляющихся за штаны и ботинки всевозможных частей мусора. Завидя приближение недружелюбно настроенной компании, парень резко схватился за край водопроводной трубы и встал крепко на ноги. Он был весь в ожидании нападения, приняв оборонительную позу.

Первый из направлявшихся к юноше «дикарей» вдруг застыл на месте и уже в следующий момент с силой оттолкнулся ногами от «земли», производя атаку в прыжке. Вытянутые вперед руки были нацелены в область шеи «добычи». Но намерениям «дикаря» не суждено было сбыться. Глухой хлопок удара. Нападавший упал без чувств, явив свету вогнутую отметину на грязном виске. Двое остальных безразличным взглядом посмотрели на лежащего собрата, и в их недоуменном виде читалось некое замешательство. Но этот легкий ступор был недолгим. Более рослый из оставшегося числа группы «дикарей» стремительно рванул к рыжеволосому парню, в руке у него блеснул острый осколок битого стекла. Коротко пропел воздух, рассекаемый дугообразным движением запущенной наотмашь трубы. Но данному оборонительному действию не суждено было достичь своей предполагаемой цели: металлический конец про-

шелся по касательной, повредив лишь губы «дикаря». И уже в следующий миг безобразное и липкое в лохмотьях тело сбило с ног парня, повалило того на защебетавший под весом обоих мусор. Началась ожесточенная возня. Клубок сцепившихся тел перекатывался из стороны в сторону, поочередно то «дикарь» оказывался наверху и близким в победе в жаркой схватке, то рыжеволосый.

Другой же «дикарь» находился во время всего поединка рядом, не выказывая никакого рвения вмешаться в потасовку, лишь выжидая момент, когда кто-нибудь из борющихся за жизнь выйдет победителем, довольным, но очень усталым, оттого и слабым, чтобы противостоять еще кому-либо. Тут-то и можно нанести победный маневр.

Но тут мусорную свалку сотряс вопль боли, и сражавшийся с рыжеволосым чужаком «дикарь» толчком ноги был отброшен назад. Из его правого глаза торчал наполовину воткнувшийся осколок стекла. Еще мгновение и тот замер, уже навсегда, испутив свой последний вздох. Выжидавший случай пуститься в атаку последний «дикарь» медленно попятился назад, видя, как бодро вскочил на ноги парень, лицо и грудь которого были перепачканы в крови. Он заново ловким и крепким движением подхватил валявшуюся рядом водопроводную трубу и со злым азартом посмотрел на стоящего поблизости противника. Но «дикарь» и не думал нападать, по всем его трусливым телодвижениям было видно, что он уже оставил свою затею. Затем стремительно развернулся и со всей скоростью, на которую были способны его худые и изможденные ноги, помчался прочь от места недавней жаркой битвы.

Рыжеволосый победитель тщательно отряхнул свою замаранную отходами одежду и, закинув одной рукой на плечо хорошо проявившую в бою водопроводную трубу, медленно осмотрел окрестности мусорного полигона. Через бинокль Болотов видел, какой у него был растерянный и испуганный вид. Парень явно не знал, в какую сторону ему направиться.

«Интересно, каким-таким образом, этот солнечный сумел пробраться на нашу станцию? – подумал Эдуард, внимательно рассматривая через оптический прибор юношу. – Явно какой-то беглый антисоциал, и, видимо, к нам скоро нагрянет полиция с вопросами по его душу».

В момент, пока начальник смены мусоросбросной станции подобным образом размышлял на смотровой площадке, объект его невеселых дум с трубой на плече зашагал в сторону горизонта, быстрыми, выказывавшими некоторую торопливость, шагами все дальше и дальше отдаляясь от городской стены.

– Видел, Николай? – направил свой вопрос коллеге Болотов, из кабины оператора давно неслышно было голоса подчиненного.

– Так точно, босс! – ответил Шипник, высунув голову из-за раскрытой двери кабины. – То-то у нас веселая жизнь на днях начнется, как в раю. Хотя... А может и пронесет? Вдруг его не будут у нас искать, мало ли мест, где антисоциалы от властей прячутся? Как вы думаете, Эдуард?

– А думаю я то, что нам совсем не нужно писать в отчете о сегодняшнем происшествии на полигоне. Все прошло штатно, строго по расписанию и согласно инструкции. Так ведь, Николай?

– Считаю это мудрым решением, босс. Нет желания, чтобы и нас в пособники этого самого рыжеволосого записали.

– Хорошо, Николай, так и поступим.

– Босс, вы видели, как он с этими двумя «дикарями» ловко управился? – Шипник вышел из кабины и оперся о круглую ручку двери операторной.

– Да, он оказался молодцом, – Болотов взглядом через бинокль провожал уходящего вдаль юношу. – Он здесь точно выживет, на корм другим не пойдет. Ладно, – обернулся к заместителю. – Давай, уже затаскивай свой ковш обратно, и будем стену закрывать. Не хватало, чтобы кто-нибудь эту заминку заметил. От греха подальше...

– А запись смотреть будем? – донесся приглушенный из помещения оператора голос Шипника. – Спор еще в силе.

– Обязательно проверим, – Эдуард нажал на кнопку, выпиравшую из перил площадки, рабочий бинокль плавно поднялся вверх. – Спор и называется спором, что его никто и ничто не могут отменить. Да, кстати, не забудь открыть заслонку шахты вытяжки и включить вентиляторы, когда станем покидать станцию. А то в прошлый раз мы это не сделали, так я такую взбучку по телефону от шефа получил, что мама не горюй...

– Сделаем, босс.

Двенадцатилетний Алик уже долгое время находился в кресле, читая учебник по общей биологии. Четыре обязательных к изучению параграфы были выучены и по два раза повторены. Остался лишь пятый, самый сложный, про механизм протекания фотосинтеза. Необходимо было осилить всего пару абзацев, когда на мальчика неожиданно накатила волна некой отрешенности. Он оторвал взгляд от страницы и посмотрел в раскрытое окно. На улице вечерело. Осторожная тьма просачивалась откуда-то снизу, медленно поглощая прозрачный воздух и делая его непроницаемым для глаза. Верхние этажи дома напротив пока еще слабо гладило заходящее солнце. Чахлые его блики, отражающиеся на коричневом потрескавшемся фасаде, были больше похожи на отчаянный зов помощи, на прощальный реверанс перед ступающей неспешной поступью власти всесильной ночи. Скоро дневной свет совсем исчезнет, а затем во всем районе отключат электричество ровно в 23:00, и тогда тьма до самого рассвета приберет своими руками всю окраину города.

Алик тихо поднялся и бесшумно подошел к окну. В лицо пахнуло легкой прохладой кислого воздуха. Сам этот запах совершенно не удивил мальчика; воздух всегда был с таким неприятным привкусом, насколько помнил себя паренек. То был запах его района, располагающийся впритык к городской стене и приютивший у себя тысячи маргинальных, по официальному определению правительства, жителей. Тех, кто когда-то не прошел успешно генетические и общеобразовательные тесты, и вынужденные теперь добывать кусок хлеба низкоквалифицированным трудом, а именно трудиться на вредных производствах, убирать улицы, работать грузчиками, дорожными рабочими, служащими концентрационных моргов и мусоросбросных станций. Квартал отчаяния и выживания.

Мальчик глубоко вдохнул воздух худой, впалой грудью, и тотчас силы его начали покидать. Слабость стремительной волной пробежала по всему телу. Алик опустил на колени перед окном и медленно повалился набок. Он задышался. На лицо стремительно наплыла болезненная серость, вены вздулись и ошалело запульсировали, словно в них поселилась другая неведомая жизнь, и хозяином ее никак не был двенадцатилетний мальчик. Глаза широко раскрылись, явив потолку полный беспомощности и страха мутный взгляд; рот жадно глотал воздух, но облегчения это не давало. Спустя несколько долгих секунд дыхание начало приходить в нормальное состояние. Алик забормотал:

– Айлесссс... Кардуххх... Майма ми... Раааскажиии... Что...я...тууут...могу...

Коротко стриженная голова вдруг резко замоталась из стороны в сторону, тихо захрустела шея, грозившая от такой частоты поворотов, просто-напросто, оторваться от остального детского тела. Но, дойдя до критической точки в своих маятникообразных движениях, она мгновенно остановилась, обратив болезненное лицо вверх. Казалось, его глаза увидели кого-то или что-то на потолке, так как тонкие бледные губы подернулись в слабой улыбке, будто мальчик обнаружил там нечто знакомое.

– Привет, – едва слышным голосом проговорил Алик, обращаясь к тому, что было наверху. – Ты опять здесь... Всегда, когда мне становится плохо, ты тут как тут. Вот так смотришь жалобными глазами, словно хочешь чем-то помочь, но не меняешь даже позу, просто смотришь... Молчаливый наблюдатель. Но, не поверишь, я рад тебя видеть, пусть ты и не

разговариваешь со мной и похож на живую статую. Честно... Ты единственный, кто в такие минуты посещает меня, и это согревает сердце и душу...

Мальчик медленно приподнялся при помощи дрожащих от слабости рук и сел на пол, прислонив спину к холодной стене, затылок уперся в небольшой пластиковый выступ подоконника. Он чувствовал себя уже гораздо лучше, чем минуту назад, но силы не спешили возвращаться обратно после приступа.

– Ты знаешь? – продолжил подросток. – А ведь никто не знает, что у меня все это иногда случается. Минимум раз в неделю, а то и в полторы, я начинаю вот так задыхаться. После последнего Сезона Нищеты... Эххх... Видно, я не очень хорошо его перенес в прошлый раз, с последствиями...

Замолчал, опустив на колени голову. В комнате было слышно его затрудненное дыхание, но затем оно стало лучше, и мальчик снова устремил взор на потолок.

– Я бы хотел, чтобы отец знал, что со мной происходит, но, боюсь, его это очень сильно огорчит. Ведь он занимает такой ответственный пост в городской службе. Он направит меня в больницу, как несколько месяцев назад маму, и я уже оттуда не выйду. От последствий Сезона Нищеты еще никто не вылечивался. Но я надеюсь, что это не она, а обыкновенное недомогание, связанное с климатом нашего убогого района. Ты меня слышишь, молчаливый друг? Да, вижу, что слышишь.

Снова опустил голову на острые колени, и когда снова поднял ее, то его спокойные глаза в раз стали тревожными:

– Ты куда пропадаешь, друг? Не уходи, мне так с тобой хорошо. Ты всегда меня слушаешь и не перебиваешь. Не исчезай! Ну, пожалуйста! Ну вот, теперь я снова в этой комнате-«могильнике» один. Как это невыносимо... Ты снова пропал... Но зачем ты так не вовремя исчезаешь, когда мне столько нужно сказать? Эээх... Скоро отец вернется с работы, а с ним я так не могу откровенничать... Он любит меня, но боюсь, что вызовет «скорую», и я поеду в больницу, как мама... Где она теперь? Мне так ее сейчас не хватает.

Мальчик схватился сзади руками о прохладный выступ подоконника, напряг все силы и медленно поднялся. Он еще шатался, ноги были пока еще недостаточно крепки, но этого ему хватило, чтобы неспешно добраться до кресла. Алик прямо-таки рухнул на него не глядя, спиной. Мягкое сиденье податливо провалилось под ним, заботливо обхватив контуры его тщедушного тела. Юноша шумно выдохнул, будто после выполненной тяжелой работы.

Протяжно и противно пропищал электронный замок входной двери. То отец вернулся домой с работы.

– Привет, герой, – Эдуард Болотов небрежно скинул с ног пыльные ботинки в прихожей и усталым шагом проследовал в гостиную, где сейчас сидел на кресле сын. – Как твои дела сегодня? Что нового в школе? Уроки сделал?

– Да, пап, только немного по биологии осталось почитать, про фотосинтез, – Алик вяло, но с участием улыбнулся отцу. – Знаешь, эта тема очень трудна в понимании, но безумно захватывающая. Оказывается, в нашей жизни даже самые простые вещи очень сложны в своей структуре. Самое смешное, что у меня нет уверенности в том, что вся эта прочитанная информация сможет удержаться в моей голове до завтрашнего урока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.